

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-322-334>

Научная статья / Research article

Европейские идейные смыслы в контексте царской воли Петра I

Татьяна Васильевна Черникова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД России, Москва, Россия

✉ tchernikova1961@mail.ru

Аннотация: Дан анализ особенностей идейной европеизации России в контексте спора историков об итогах и значении преобразовательной деятельности Петра I. Автор анализирует соотношение «старого» и «нового» в области идейных предпосылок поворота Петровской России к Европе, а также роль царя Петра в отборе, трактовке и пропаганде заимствований из багажа западноевропейской общественно-политической мысли. Особое внимание уделено образу Петра как символа «новой России» в восприятии соотечественников и западноевропейцев. В качестве ярких примеров эпохи рассмотрена история взаимоотношений Петра с видным ученым Г.В. Лейбницем, ментальные подтексты в указах о бородобритии и ношении европейского платья, представления о «государстве», «государе» и «общем благе» в одном из важнейших законодательных актов эпохи – «Уставе Воинском» 1716 г. Автор солидаризуется с мнением С.Ф. Платонова, что петровские реформы являлись не революционным переворотом, а «видоизменением старого порядка», но, отмечает, что допустив развитие научного знания в России, Петр заложил предпосылку для начала в будущем интеллектуальной революции в сознании образованного русского общества.

Ключевые слова: европеизация России, патримониальная монархия, петровская модернизация, вестернизация, социокультурный раскол

Для цитирования: Черникова Т.В. Европейские идейные смыслы в контексте царской воли Петра I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 322–334. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-322-334>

European Ideological Meanings in the Context of Peter the Great's Royal Will

Tatiana V. Chernikova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia

✉ tchernikova1961@mail.ru

Abstract: The article analyzes the peculiarities of Russia's ideology during the reign of Peter I. The author raises the question of Peter's revolutionary nature and examines the relationship between the "old" and "new" in the field of ideological prerequisites for the turn of Peter's Russia towards Europe. There is also considered the role of Tsar Peter I in the selection, interpretation and propaganda of borrowings from the Western European socio-political thought. Particular attention is paid to the image of Peter I as a symbol of the "new Russia" in the perception of compatriots and Western Europeans. As vivid examples of the era, there are analyzed the history of Peter's relationship with prominent scientist G.W. Leibniz, mental overtones in the decrees on barbering and wearing European clothes. The author agrees with the opinion of S.F. Platonov that Peter's reforms were "a modification

© Черникова Т.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of the old order,” rather than a revolutionary change. However, it is noted that by allowing the development of scientific knowledge in Russia, Peter laid the foundation for the beginning of an intellectual revolution in the future in the minds of the educated Russian society.

Keywords: Europeanization of Russia, patrimonial monarchy, petrine modernization, westernization, sociocultural split

For citation: Chernikova, T.V. “European Ideological Meanings in the Context of Peter the Great’s Royal Will.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 322–334. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-322-334>

Введение

В отечественной и зарубежной историографии царствование Петра I (1682–1725) заслуженно воспринимается как первая страница российской истории Нового времени, поэтому ученые и публицисты стремились, в первую очередь, сконцентрировать свое внимание на новшествах времени. Не углубляясь в нюансы публицистики, отметим лишь, что русская общественно-политическая мысль XVIII–XXI вв. в отношении Петра всегда «грешила» неким манихейством: либо прославляя Петра как первого модернизатора России, либо ругала его за презрение к русской самобытности. Единственное, где сходились во мнении все публицисты, как, кстати, и все историки, так это в признании внешнеполитических успехов петровской эпохи, в результате которой Россия постепенно была всеми признана великой европейской державой.

Итоги внутренних реформ вызвали у историков великое множество мнений, которые условно можно объединить в три группы: 1) апологетику; 2) взгляд на преобразования как очень сложное переплетение «старого» и «нового»; 3) и, наконец, в целом критическое отношение к внутренним преобразованиям 1690-х – 1725 гг.

Работая над «Историей Петра», А.С. Пушкин не раз называл царя революционером, сравнивал его и с Робеспьером, и с Наполеоном как символами Французской революции. А вот современник великого поэта М.М. Сперанский полагал:

Петр Великий во внешних формах правления ничего решительного не установил в пользу политической свободы, но находил при этом позитивную стратегическую перспективу: «но он отверг ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле»¹.

В контексте революционных потрясений начала XX в. философ Н.А. Бердяев назвал Петра I «большевиком на троне» и поэт М.А. Волошин с этим согласился:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опрichь указа, казни и застенка.

(«Россия», 1924)

Один из крупнейших историков первой трети XX в. С.Ф. Платонов в своем анализе итогов петровских реформ пришел к выводу, что иллюзия «революционности» петровских реформ проистекала из-за того, что

в обществе не было того сознания исторической традиции, какое жило в гениальном Петре. Близорукие московские люди объясняли себе и внешние предприятия, и внутренние нововведения государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частные нововведения они противопоставляли частным же обычаям старины и выносили убеждение, что Петр безжалостно

¹ Сперанский М.М. Проекты и замыслы. М. – Л., 1961. С. 157.

рушил их старину <...> Казалось, что Петр перевернул вверх дном всю старую жизнь, не оставляя камня на камне от старого порядка. Видоизменение старого порядка они считали за его уничтожение².

Пожалуй, «видоизменение старого порядка» есть самая точная передача сути преобразований Петра. В нашей статье мы рассмотрим то новое, что видоизменяло старый порядок, и то, что изначально было связано со старым порядком в идеологической политике Петра I.

Самобытные истоки и вестернизации в идеологии Петровской России

Петр I стал первым российским монархом, который взял на вооружение идею «общественного блага» и целый ряд других идей, принципиально значимых для европейского Просвещения. Однако логику официальной петровской пропаганды невозможно правильно понимать, если не затронуть ее самобытные истоки, уходящие в XV–XVII вв.

От «старомосковских времен» сохранялась идея величия Русского государства, сформулированная в политической мифологии доктрины «Москва – Третий Рим». Но Образ Рима, а не Византии здесь выявил уже привязку Московии конца XV–XVI вв. к Европе, где Рим был символом идеальной вселенской империи. Параллельно московская патримониальная монархия создала традицию отвечать на вызовы Запада освоением разных, включая идейные и культурные, новшеств этого Запада, уже вступившего в процесс модернизации.

Теоретическим открытием Смутного времени стала смутная догадка, что «государь» и «государство» – это не одно и то же. И «государство», наверное, важнее «государя», который может быть не только «природным» (наследственным), но и выбранным с согласия «всей земли». Государство стало пониматься широко: и по-старомосковски как «вотчина» монарха, и как объединение всех русских земель, и как «Отечество» всех россиян. Этот идейный опыт дополнился в первой половине XVII в. практикой Земских соборов и возвращением к принципу самодержавия с середины XVII в.

В петровской идеологии мысль о государственном величии России, ее имперскости, подобной римской, получают дальнейшее развитие, но одной из главных задач станет достижение признания России одной из ведущих европейских держав, причем как в самой России, так и за ее пределами.

Этой цели, в частности, должен был служить вояж Петра в Европу вместе с Великим посольством и волонтерами, отправившимися за новыми знаниями. Явление царя в Европу потрясло русских нарушением «старины», а на Западе оставило противоречивое впечатление, но скорее позитивное, ибо Петр декларировал признание таких европейских ценностей, как науки и «общее благо». В царском манифесте «О вызове иностранцев в Россию» 1702 г. сообщалось, что с момента вступления Петра по Божьей воле на российский престол все его

старания и намерения <...> клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные, попечением нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние³.

Создание образа Петра как просвещенного монарха, а не экзотического монарха-курьеза, зафиксированного первоначально в ряде западноевропейских запи-

² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 2011. С. 450.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. IV. № 1910. С. 192.

сок и в картинках, где мало похожий на себя Петр столярничает или позирует в костюме корабельного плотника, становится актуальной задачей русской дипломатии. Работа по «европеизации» образа царя началась уже в ходе Великого посольства. Был привлечен язык искусства, совершен заказ нескольких парадных портретов Петра в типичном для западноевропейских монархов облачении. Писали портреты первостепенные художники, среди которых были, например, голландец П. ван дер Верф и немец Г. Кнеллер. Последний являлся придворным художником английского короля Вильгельма III, был необычайно популярен в Англии, создал портреты И. Ньютона и Д. Локка, а также многих британских аристократов. Ранее (в 1682 г.) Кнеллер и испанский художник Х.К. де Миранда создали портреты московского посла П.И. Потемкина в русской «экзотической» для западного зрителя одежде. Первые парадные портреты Петра формировали другой – европейский образ русского государя. Этот образ присутствовал и на более поздних многочисленных изображениях царя кисти известных европейских мастеров – саксонца И.Г. Таннауэра, официального придворного живописца Петра I, чеха Я. Купецкого, нидерландца Я. Хоубракена, француза Б. ле Кофра, придворного живописца датского короля, французов Ж.-М. Наттье и Л. Каравакка. С этих картин тиражировали гравюры в Европе и в России.

Вслед за царскими появились европейские барочные изображения других русских государственных деятелей. Российский зритель приучался к новому зрительному ряду.

Попутно поощрялось личное общение с западноевропейцами на службе и в рамках досуга, что в отличие от прежних русских монархов всячески поощрял царь, в частности, через такое новшество, как ассамблеи, обязательные для приглашенных.

Число «немцев» – выходцев из разных западноевропейских стран постоянно росло. Немецкая слобода появилась в Санкт-Петербурге. Впрочем, теперь иностранцы могли селиться, где захотят: как в столицах, так и в любом русском городе. Только сам Петр привез в 1698 г. в Россию 700 военных, ремесленников и других специалистов. Нанятые в Англии царем выпускники Эбердинского университета Фергансон, Гвин и Грайс приехали в Россию в 1699 г., а в 1701 г. они приняли участие в организации Навигацкой школы⁴. Из именитых художников в России трудился гравер-голландец Адриан Шхонебек, который был мастером не только портретов и батальных сцен, но также являлся хорошим картографом.

Что касается итогов службы в России иностранных специалистов, то главным из них стал выход на службу их русских учеников, носителей не только профессиональных навыков, но и умственного склада, присущего людям Нового времени. Среди художников здесь следует отметить граверов братьев Алексея и Ивана Федоровичей Зубовых и Петра Леонтича Бунина, а также портретиста Ивана Никитовича Никитина. Все их выучил упомянутый выше Адриан Шхонебек.

К 1716–1717 г., когда появилась знаменитая миниатюра на эмали российского мастера Григория Мусикийского с изображением всей царской семьи, естественно в европейских костюмах, к этому времени вряд ли кто-то из местных жителей или иностранцев мог подумать, что Петр и его домочадцы могут выглядеть по-другому. Глаз и вкус российской элиты прежде других выучился считать эти образы «своими».

Через личную дипломатию Петра и личные знакомства его сподвижником с видными западноевропейскими интеллектуалами ширилось позитивное восприятие России в Европе. В начале XVIII в. озаботились наличием на русской службе

⁴ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 108.

«немцев-пиарщиков». Первым таким агентом стал выпускник Страсбургского университета барон Гюйссен. В его обязанности входило приглашение военных на русскую службу, перевод на западноевропейские языки царских манифестов, заказ европейским ученым сочинений с добрыми отзывами о России, ее монархе и министрах. На Западе появилось немало почитателей России, старавшихся донести до российского населения достижения западной мысли.

Добровольным, если можно так выразиться, любителем России был бургомистр Амстердама и ученый Николас Витсен. Его симпатия к России опиралась на объективный опыт взаимовыгодной торговли, которую со второй половины XVI в. вела Республика Соединенных провинций с Московским царством, а также на успешную историю посольств Нидерландов в Россию. В миссии 1664–1665 гг. участвовал сам Витсен, который в 1692 г. выпустил первое в Европе серьезное научное исследование о сибирских землях «Noord en Oost Tartarye» («Северная и Восточная Тартария»). Книга была снабжена картами и зарисовками видов сибирских городов и облика их туземных обитателей. Этот труд стал известен в Европе и в России. Один экземпляр хранится в РНБ Петербурга, что показательно, ведь почти весь первый тираж погиб в ходе кораблекрушения судна, его перевозившего. Но внимание царя Петра к Витсену привлек не его труд о Тартарии, а то, что он был знаток кораблестроения. В 1692 г. Петр поспешил отправить с сыном Лефортом дружественное послание Витсену. С приездом Петра в Голландию в 1697 г. Витсен стал помогать ему в освоении основ кораблестроения, учил голландскому языку, сопровождал в поездках в Гаагу и Утрехт, познакомил с известным собирателем древностей Я. Де Вильде и профессором медицины Рюйшем. От лица Амстердама Витсен передал России корабль, который Петр назвал «Амстердам». Как глава «прорусской амстердамской партии», противостоявшей «прошведской партии» в Гааге, Витсен удержал Нидерланды от поддержки Швеции в Северной войне. Посол России в Голландии А.А. Матвеев при негласной поддержке Витсена сумел даже наладить секретную поставку в Россию голландского оружия и отказался принимать деньги за эту услугу.

Показательна для формирования идеологического фона петровской эпохи также история развития личных взаимоотношений русского царя и великого немецкого ученого и мыслителя Готфрида Вильгельма Лейбница, изученная в конце XIX в. В.И. Герье⁵.

Лейбниц служил дипломатом, библиотекарем и историографом первого брауншвейгского курфюрста Эрнеста Августа, а с 1698 г. его сына и преемника Георга-Людвига (с 1714 г. первого английского короля ганноверской династии Георга I). Впервые Лейбниц увидел Петра в Ганновере в замке Коппенбрюк в 1697 г. Петр произвел на него противоречивое, но скорее благоприятное впечатление, чему отчасти способствовало изменение в позитивную сторону взгляда Лейбница на саму Россию из-за присоединения ее к Священной лиге. Ранее, когда в 1669 г. заговорили о кандидатуре царя Алексея Михайловича или его сына на трон Речи Посполитой, Лейбниц заявлял:

Москва на польском престоле будет второй Турцией, избрав московского царя, Польша откроет дорогу варварству, которое подавит европейскую цивилизацию⁶.

⁵ Герье В.И. 1) Лейбниц и его век. СПб., 1868; 2) Герье В.И. Лейбниц и его век. Т. 2. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871; 3) Лейбниц и его век. СПб., 2008; Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / издал В. Герье. СПб., 1873.

⁶ Филиппов М.М. Готфрид Лейбниц. Его жизнь и деятельность: научная, общественная, философская. М., 1893. С. 85.

В 1697 г. Лейбниц уже писал ученому нумизмату Морелю:

Вы даже подумать не можете, насколько я разъярен тем, что недостаточно пользуются пребыванием Московского царя и теми благими намерениями, которые он высказывает. Завоевать разум ... человека, такого, как Царь или китайский монарх, и обратить его истинному благу... это дороже сотни выигранных сражений, ибо от воли таких людей зависят миллионы других⁷.

Однако жестокость казни стрельцов в 1698 г. и разгром русских под Нарвой в 1700 г. заставил Лейбница связать свои поиски просвещенного государя с Карлом XII. В посвященном ему стихе Лейбниц пожелал, чтобы границы Швеции раздвинулись от Москвы до Амура.

Но Карл XII, занятый лишь войной, быстро потерял притягательность для Лейбница. Его корреспондент барон Иоганн Кристоф фон Урбих (в 1691–1703 гг. – министр венского двора, а в 1707–1712 гг. – российский посол в Вене), способствовал восстановлению симпатии Лейбница к Петру I. В 1708 г. он через фон Урбиха отправил Петру записку о необходимости распространения в России наук и образования⁸. Петру импонировало, что в самодержцье ученый видел единственную силу, способную сформулировать для его подданных «общее благо». О пользе диктата монарха, если речь идет об «общем благе», заявляли многие просветители. Х. Вольф, к примеру, писал:

монарха тираном делает не отстранение сословий от участия в решении политических вопросов, а то, что правитель действует вопреки общему благу и своей главной целью ставит личные интересы⁹.

После Полтавы в Европе заговорили о том, что рост могущества России делает ее опасной не менее «турка». На это Лейбниц возражал. Отмечая, что Бог возложил на Петра миссию привести к цивилизации его обширное царство, и он этому только рад. После встречи с Петром в 1711 г. в Торгау на свадьбе царевича Алексея и сестры супруги императора Карла VI принцессы Софьи-Христины Вольфенбюттельской Лейбниц сопровождает Петра в 1712 г. в Теплиц и Дрезден. Заочно Лейбниц поступает на русскую службу с чином тайного советника и жалованием в 2000 гульденов (1000 талеров). Судя по архиву Лейбница, он составил для России 12 проектов, пять из которых точно дошли до царя, так как попали в российские архивы. Еще один был точно отправлен в Россию¹⁰.

Лейбниц советовал Петру организовать научные экспедиции в Сибирь, а также морскую экспедицию на поиски пролива, который, по предположению Лейбница, может отделять Америку от Северной Азии. О путешествии Семена Дежнева в Европе тогда не знали, а в России, судя по всему, успели забыть.

В 1716 г. Лейбниц советует Петру вместо приказов учредить коллегии. С 1717 г. Петр начнет такую реформу, но без создания научной коллегии, о которой писал Лейбниц. В.И. Герье настаивал, что Петр и до совета Лейбница стал интересоваться коллегиями и изучал шведский опыт.

⁷ Цит. по: *Корнетов Г.Б.* Проекты Г.В. Лейбница по распространению в России образования // Историко-педагогический журнал. 2016. № 4. С. 113.

⁸ О содержании записки можно судить по сохранившемуся ее черновику, опубликованному В.И. Герье на языке оригинала (немецком): 1) Сборнике писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873. С. 95–99; и в переводе на русский: 2) Лейбниц и его век. СПб., 2008. С. 648–650; Перевод Герье на русский приведен также в статье: *Корнетов Г.Б.* Проекты Г.В. Лейбница по распространению в России образования и науки (к 300-летию со дня смерти великого немецкого мыслителя и просветителя). Историко-педагогический журнал. № 4. 2016. С. 116–119.

⁹ Цит. по: *Акишин М.О.* «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 97.

¹⁰ Сборнике писем и мемориалов Лейбница... С. 21.

Много проектов Лейбница так и остались без внимания. В частности, проект строительства канала между Волгой и Доном и план церковной унии. В работе «Размышление о просвещенных особах и благих намерениях» протестант Лейбниц писал, что общество, управляемое разумом, может возникнуть только во Всемирной Универсальной Христианской монархии¹¹, а на первых этапах – в объединении всей Европы в Христианскую «республику», для чего необходимо преодолеть Схизму. Лейбниц разработал теорию относительного суверенитета, отличную от Бодена, Пуфендорфа и Гобса. От монархов Европы он требовал компромиссного взаимоограничения своих суверенитетов.

Законы внутри одного государства не принимаются по произволу абсолютного правителя. Каждый закон должен быть согласован с принципом, общим для всех людей, а этот принцип заложен в естественном праве¹².

На Россию и Восток Лейбниц смотрел, по характеристике В.И. Герье,

глазами человека, который желал бы перенести туда благоденствия цивилизации, освободить народы, погибающие под гнетом варварского деспотизма, вызвать их к политической жизни и ввести в общую семью народов, трудящихся для цивилизации¹³.

Главный для распространения цивилизации в России, по оценке самого Лейбница, проект, переданный царю через вице-канцлера П.П. Шафирову в 1716 г., начнет осуществляться после смерти Лейбница (5 (16) ноября или 3 (14) декабря 1716) и Петра (скончался 28 января (8 февраля) 1725). Речь идет об открытии Санкт-Петербургской Академии наук и художеств. Правда, структура этой Академии была далека от планов Лейбница. 22 января 1724 г. Петр подписал свой указ об основании Академии, 28 января указ был объявлен в Сенате с приложением «Проекта учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов». Бюджет был много меньше предполагаемого проектом Лейбница. Реально Академия во главе с лейб-медиком Л. Блюментростом открылась по указу Екатерины I от 23 февраля 1725 г. Первые ее видные служители, имевшие или впоследствии снискавшие мировую научную славу, являлись «протеже» Лейбница¹⁴. После Берлинской академии Санкт-Петербургская была второй из осуществленных академических проектов, за которые ратовал Лейбниц.

Свой вклад в утверждение мифа об «отрожденной» через гений Петра «новой России» внесли студенты академического университета. Среди таких в 1730-е гг. окажется и М.В. Ломоносов, русский ученый мирового уровня и известный почитатель Петра. Посильный вклад в образ «новой России» внесут и выпускники Навигацкой школы, гимназии Глюка (открыта в 1703 г.), Лекарской школы (открыта в

¹¹ Клепикова Л.В. Взаимодействие государственной власти и ученых обществ в научно-образовательных проектах Г.В. Лейбница // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 54.

¹² Башкина О. Г.В. Лейбниц о разделении суверенитета // *Russian sociological review*. 2015. Vol. 14. № 3. С. 101.

¹³ Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб., 2008. С. 134.

¹⁴ К примеру, друг Лейбница швейцарец Иоганн Бернулли, глава европейских математиков после смерти Ньютона, преподавал в Университете Гронингена в Нидерландах, являлся также иностранным членом Парижской Академии с 1699 г., Берлинской Академии – с 1701 г., Лондонского Королевского общества – с 1712 г. В 1725 г. его избрали почетным членом Петербургской Академии. В Санкт-Петербургской Академии по рекомендации Лейбница и Вольфа трудились его сыновья Николай и Даниил Бернулли. С легкой руки Д. Бернулли в российскую Академию прибыл в 1727 г. его друг и ученик его отца Леонард Эйлер, также крупнейший ученый XVIII в. В Академии работали математик Христиан Гольдбах, физик Георг Бюльфингер, астроном и географ Жозев Делиль и др.

1707 г.), Инженерной школы (открыта в 1712 г.), Морской академии (открыта в 1715 г.) и 42 цифирных школ.

Мифология «отрожденной» через Петра «новой России» будет создаваться на Триумфах, публичных празднований военных «викторий». Кроме солдат и военачальников, участниками Триумфов стали студенты Славяно-Греко-Латинской духовной академии, разыгрывавшие целые аллегорические спектакли с отсылками к античным и библейским образам. Эти образы наполняли панегирики Петру Феофану Прокоповича, Стефана Яворского и других иерархов-«латынщиков» (выпускников Киево-Могилянской академии), оттеснивших на задний план «грекофилов». Триумфы как подражание римским праздникам были возрождены на Западе Европы еще в эпоху Ренессанса. Петр завел этот обычай в России после взятия в 1696 г. Азова. А далее каждая военная победа русского оружия отмечалась Триумфом. Триумфы внесли свой вклад в подготовку населения к принятию царем в 1721 г. присущих древнеримским триумфаторам титулов – Император, Отец Отечества, Великий.

Ганноверский резидент при русском дворе в 1714–1719 гг. Фридрих Христиан Вебер приводит вдохновенную речь царя Петра по случаю спуска на воду очередного корабля, которая тронула даже ностальгирующих по старорусским временам бояр.

Кому из вас, братцы мои, хоть бы во сне снилось, лет 30-ть тому назад, – так начал свою речь Петр, – что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать, и в одеждах Немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране, воздвигнем город, в котором вы живете; что мы доживем до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов Русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смысленными; что увидим у нас такое множество иноземных художников и ремесленников, доживем до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи? Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда они были изгнаны, перешли в Италию, а потом распространились было и по всем Европейским землям; но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли далее Польши. Теперь очередь приходит до нас, если только вы поддержите меня в моих важных предприятиях, будете слушаться без всяких отговорок и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло. Покамест советую вам помнить Латинскую поговорку: *ora et labora* (молись и трудись) и твердо надеяться, что может быть еще на нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесете на высшую степень славу Русского имени¹⁵.

Европеизация облика русских в контексте царской воли

В России первоисточником многих важнейших законодательных установлений была компиляция из зарубежных документов, из которых проникала в русские умы их идейная подоплека. Хотя Петр, лично просматривавший важнейшие акты, откидывал то, что считал непригодным. Так, царь мог часами беседовать с Лейбницем о важности «общего блага», но, когда тот высказал мысль, что реформы должны согласовываться с «духом народа», не считал необходимым принять это.

С другими европейскими народами, – утверждал Петр, – можно достигать цели человеколюбивыми методами, а с русскими не так: если б не употреблял строгости, то уже давно не владел бы русским государством и не сделал бы его таким, какое оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей¹⁶.

В духе старомосковских монархов-вотчинников Петр оставлял за собой не только выбор форм и методов реформ, но и выбор «духа народа», полагая, что он

¹⁵ Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия. Записки Вебера // Русский архив / пер. П.П. Барсова. 1872. № 6. С. 1074–1076.

¹⁶ Волков А.А., Миннибаев Б.И. Социальные преобразования Петра I // Вопросы исторической науки: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, май 2013 г.). Челябинск, 2013. С. 41.

формируется государевым указом и привычкой его исполнения. Ни в одном из наиболее значимых законодательных актов Петровского царствования (Воинском уставе, Генеральном регламенте, Табели о рангах, указе о подушной подати) мы не найдем ни одного упоминания об «общем благе» и даже о первостепенности «государства», «первым слугой» которого так любил позиционировать себя Петр в разговорах. В идеологических преамбулах, обязательной составной части всех значимых государственных актов первой четверти XVIII в., нашлось место только для обоснования божественной природы царской власти и необходимости подчинения ей.

Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответ дать не должен; но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять («Воинский устав», Гл. 3, арт. 20)¹⁷.

Парадоксально на первый взгляд, но все известные из истории регламенты и уставы, творчески списанные со шведских, голландских, немецких образцов, меняли форму государственных учреждений, делали их более эффективными и внешне похожими на административные органы западноевропейского абсолютизма, однако не меняли сути русского вотчинного самодержавия. Все действия Петра и особенно его социальная политика демонстрирует, что царь оставался верховным собственником всей земли и ресурсов и мог вольно «закрепощать сословия» на «благо государства».

«Закрепощение дворянства» выразилось в превращении его по-старомосковски бессрочной службы в постоянное нахождение в регулярной армии или статских учреждениях. При этом отменялось старомосковское наделение поместьями шляхетских новиков, а указ о «Единонаследии» 1714 г., оставив за шляхетством их вотчины и розданный к этому году поместный фонд, отменил прежнее право вотчинников распоряжаться своим землевладением. По воле царя нельзя было ни продавать, ни закладывать, ни обменивать, ни даже дробить имения между наследниками. Новая система частного землевладения, утвержденная указом 1714 г., была далека от права частной собственности в западноевропейском понимании. В результате большая часть молодых дворян лишилась надежды на наделение имением, служила вечно за жалование.

Купечество, оставаясь тяглым сословием, стало рассматриваться царем как одновременно и служилое сословие. В итоге к середине 1710-х гг., по выражению самого царя, «храмина русского купечества рассыпалась», т.е. разорилась, купцы успели по первой городской реформе почти десять лет выполнять обязанности бесплатных ответственных сборщиков налогов для Казны, одновременно в рамках кумпанств строить на свои средства корабли для государства и выступать в течение всей первой четверти XVIII в. торговыми агентами государства по продаже за рубеж объявленных царем «заповедных» товаров, к числу которых были отнесены практически все выгодные экспортные товары. Структура городского населения перекраивалась несколько раз, безо всякого совета и с торговым, и с посадским людом об их понимании «общего блага».

Все крестьянство введением подушного оклада в 1724 г. погружалось в крепостное состояние. До 1724 г. категория лично свободного черносошного крестьянства сокращалась в рамках старомосковской практики XV–XVII вв., когда одним росчерком пера государя-вотчинника селяне черных, т.е. государственных земель превращались из черносошных во владельческих крестьян, а с 1649 г. полностью крепостных. Эта практика сохранилась и при Петре, но с 1724 г. бывшие черносошные кроме подушного налога в 73 коп. стали платить оброк государству в 40 коп.,

¹⁷ ПСЗ РИ. Т. 5. № 3006.

приравненный к оброку, получаемому помещиками с их крепостных, что свидетельствовало о крепостном состоянии этих селян, зафиксированном и в их переименовании в государственных крестьян. Волей царя крепостное право двинулось и в область промышленности, создав невиданный в мире феномен крепостной мануфактуры. В крепостные подвиды крестьянства были записаны гулящие люди и даже поповичи, которые не имели церковной службы на момент переписи 1718 г.

Старомосковский дух господствует даже в запрете вернувшегося из Европы в 1698 г. царя подданным называться холопами и писать имена в оскорбительной форме («Ивашка», «Федька» и т. д.). Как же именовать? Царь решил: «рабы»! Это была неслучайная почти калька с церковно-религиозной формулы «раб божий», подчеркивающая статус государя как божественного учреждения. Перед лицом такого величия сами современники Петра продолжали подписывать свое имя в униженной форме. К примеру, русский немец и протестант Вейде свое письмо к царю 1698 г. подписал:

Аз пребываю Ваш Пресветлого и Державнейшего Государя подданнейший раб Адамко Вейде¹⁸.

Впоследствии только Екатерина II заменит именование «раб» на «верный подданный». Именно на ее правление придется «золотой век российского дворянства», сутью которого станет сворачивание вотчинного уклада в угоду «сплаву просвещения и рабства».

Начало «сплаву просвещения и рабства» положила патромониальная монархия Петра I. В духе методов вотчинного уклада следует рассматривать и первый петровский «манифест европейства России». Речь идет о повальном переодевании служилых людей и горожан в «немецкое» платье и бритье бород. Первый указ «О ношении немецкого платья, о бритьи бород и усов, о хождении раскольников в указанном для них одеянии» относился к августу 1698 г. Этот указ не был включен М.М. Сперанским в Полное собрание законов Российской империи и знаем мы о нем из сообщений «Дневника» секретаря австрийского посольства И.Г. Корба. 16 (26) августа 1698 г., пишет Корб, в Преображенском Петр в ходе встречи с боярами собственноручно ножницами отрезал бороды всем кроме М.А. Черкасского и Т.Н. Стрешнева, а 1 сентября уже в доме победителя стрельцов генералиссимуса А.С. Шеина в роли брадобрея выступил царский шут, подбадриваемый Петром¹⁹.

С 1698 по 1705 гг. известно множество случаев, когда государь самолично резал бороды или отдавал личные распоряжения о жестоком истязании бородачей или любителей старого платья. Так, 22 февраля 1699 г., по сообщению Корба, царь искромсал ножницами рукава некоторым офицерам, решив, что они слишком широки для «европейского» костюма²⁰.

Второй указ о ношении одежды новых образцов появился 4 января 1700 г. Указы от 30 декабря 1701 г. и от 22 декабря 1704 г. уже грозили штрафами за игнорирование европейского платья. Новый указ «О бритьи бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлины с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков», изданный 16 января 1705 г., установил огромные платежи (от 50 до 300 руб.) за право носить бороды. В 1713–1714 гг. указы о платьях и бородах еще раз повторили. 6 апреля 1722 г. вышел новый указ, заменивший прежние бородачные взносы единым пятидесятирублевым. Одновременно за рамки «нормальных» подданных были выведены старообрядцы. «Раскольщикам» было приказано ходить только в старой русской одежде определенно-

¹⁸ Цит. по: Гусаров А.Ю. Памятники воинской славы Петербурга. СПб., 2010. С. 95.

¹⁹ Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) СПб., 1906. С. 79, 81.

²⁰ Там же. С. 126.

го царем вида: мужчинам – в зипуне со стоячим, обязательно красным, воротником, ферези и однорядке, женщинам полагалось иметь двурогий головной убор. До 1725 г. вышло еще пять указов о брадобритии и европейском платье, хотя в шляхестской среде уже в силу обязательного регулярного мундира не осталось «диссидентов».

Надо сказать, что лучшим умам Западной Европы XVIII в. война Петра с бородами и старорусским платьем тоже казалась борьбой за цивилизованность. Вольтер в своей «Истории Петра», написанной по просьбе Екатерины II, выразил полное ей одобрение, правда, с весьма шутливым и чисто французским замечанием насчет роли русских дам, выпущенных Петром из прежнего азиатского заточения в теремах, и которым больше нравилось целовать бритые и благородные лица²¹.

В чем причина поразительной настойчивости Петра? Понятно, что бороны и костюмы не могли принципиально мешать ни военным, ни государственным начинаниям царя. Тем более, что имелся безболезненный опыт царя Федора Алексеевича в переодевании придворных и столичного дворянства в польское платье, а офицеров и солдат полков нового строя – в регулярную форму.

Повторение указов к концу царствования Петра явно стало не столько отражением реальных нарушений указаний о платье и бороде. Это был своеобразный ритуал, отражавший внешний признак новой российской идентичности, утвердить которую таким оскорбительным образом царю было принципиально важно. В чем заключался второй подтекст регулярного и с точки зрения здравого смысла избыточного насилия?

Немаловажно вспомнить, что война с бородами и русским платьем началась на фоне многодневной беспрецедентно массовой казни участников стрелецкого бунта 1698 г., сопровождаемого изгнанием из Москвы семей московских стрельцов с запретом кому-либо предоставлять им кров. Зарубежные поклонники Петра, тот же Витсен и Лейбниц, судя по их переписке, оценили все это как признак «варварства».

Почему же столь внимательный к мнению «немцев» Петр игнорировал их впечатление? «Я царствую не над людьми, а над собаками и неразумными скотами»²², – говорил Петр имперскому послу Гвариенту. Патриарха Адриана, явившегося в застенки с иконой и просьбой о милости, Петр прогнал. На опальную царевну Софью не выбили показания, но ее все равно постригли в монахини в октябре 1698 г. С сентября по октябрь того же года в разных местах Москвы было казнено около тысячи стрельцов старше 20 лет²³. Датский резидент Г. Грунд писал, что эти казни вселили ужас в бояр, что царь

навел этим страх на своих подданных, которые с тех пор должны были склоняться перед ним и с величайшей покорностью выполнять его приказы²⁴.

²¹ Вольтер. Анекдоты о царе Петре Великом // Историографический сборник. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 150.

²² Цит. по: Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть. СПб., 2008. С. 209.

²³ В отличие от Устрялова С.М. Соловьев доверял сообщениям австрийских дипломатов Гвариента и Корба, что царь в Преображенском лично обезглавил 5 человек и велел также выступить в роли палачей Меншикову, Шереметеву, Ромодановскому и Голицыну. 600 юных стрельцов били кнутом и клеймив отправили в ссылки. Стрелецких жен и детей обрекли фактически на смерть. Из «Дневника» П. Гордона следует, что кому-либо было запрещено давать им приют и пропитание. Несколько сот стрельцов казнили в феврале 1699 г. и, как установили по архивным источникам Соловьев и Устрялов, отдельные следствия и казни продолжались до 1707 г., когда был казнён стрелец Артемий Маслов, читавший письмо к стрельцам, якобы написанное Софьей. Хотя восстали 4 из 13 московских стрелецких полков вскоре расформировали и разослали по разным городам, приписав к посадским людям вместе с семьями, стрельцов из всех 9 оставшихся московских полков, а также еще 7 полков провинциальных. Только в пограничных городах у засечных черт до 1700 г. оставались стрелецкие гарнизоны.

²⁴ Грунд Г. Доклад о России в 1705–1710 годах. М., 1992. С. 126.

Аналогичным образом высказался и прусский посол И.Г. Фоккеродт:

С этой казни... Петр пользовался самой полной самодержавной властью в духовных и светских делах... и подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: ...всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом тяжкого наказания²⁵.

Понять психологический перелом в настроении общества, совершенный столь быстро, невозможно не вспомнив о такой чисто русской ментальной категории, как «воля». «Воля» – антипод западному пониманию «свободы».

Свобода, – писал Монтескье, – состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т. е. в обществе, где есть законы ...свобода есть право делать все, что дозволено законами²⁶.

Русская «воля» противостояла закону, традиции, давлению власти, общины, семьи и даже самой «матушки природы». «Воля» требовала поступать по-своему. «Волей» дышало разбойное движение и жизнь казаков Запорожья и Дона. «Воля» прорывалась в народном бунте, а у служилого класса – в произволе. «Воля» отрицала поучения попа. Она была подсознательной тайной каждого и почиталась в России стихийно бессознательно, но повсеместно. Отсюда даже у А.С. Пушкина Стенька Разин – «самое поэтическое лицо русской истории».

Государя, умевшего продемонстрировать свою «волю», сломившего все прочие «воли», народный менталитет удостаивает почитанием. Отсюда феномен преклонения в русской исторической памяти перед Иваном Грозным. В 1722 г. Петр говорил жениху своей старшей дочери Анны герцогу Голштинскому Карлу Фридриху:

Сей государь есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел еще в том столь далеко, как он. Глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства его народа и великие его заслуги, называют его мучителем²⁷.

Чрезмерная расправа со стрельцами, их женами и детьми в 1698 г., как и длившиеся все петровское царствование война с бородами, старой одеждой и старообрядцами, все это было не более и не менее как стремление к триумфу царской воли. И в историческую память своего народа, судя по его фольклору, не только прошлому, но и современному, царь Петр вошел как «во всем Первый» и Великий. Даже в сказаниях ненавидящих Петра старообрядцев его образ вырастает до величины антипода Бога – Антихриста. Но в этом не было никакого признания революционности Петра, только дань подсознательной ментальной традиции.

Выводы

Погоня за европейскими новшествами, осознание необходимости наук и построенного на их основе образования – с одной стороны, и консервация внутренних представлений, вытекающих из патримониальных устоев (вотчинного уклада) и ментальных особенностей народа – с другой, составили противоречивую константу идеологии петровской России, где фигура Петра в силу масштабов личности первого

²⁵ Фоккеродт И.Г. Россия при Петре Великом / Неистовый реформатор. М., 2000. С. 33–34.

²⁶ Монтескье Г. О духе законов. Книга 11. Глава 3. Что такое свобода. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/О_духе_законов_\(Монтескье;_Горнфельд\)](https://ru.wikisource.org/wiki/О_духе_законов_(Монтескье;_Горнфельд)).

²⁷ Штелин Я.Я. Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом: Изображающая истинное свойство сего премудраго государя и отца отечества Собранные в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелином / Пер. с нем. яз. Т.П. Кириак. СПб., 1786. С. 232.

русского императора играла роль центральной оси, которая в дальнейшем превратится в символ нарастающего внутреннего хронического социокультурного раскола России, не позволявшего завершить процесс ее модернизации вплоть до начала XX в.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.07.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.07.2022

References

- Akishin, M.O. “‘Obshchee blago’ i gosudarev ukaz v epokhu Petra Velikogo.” *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* 21, no. 3 (2010): 95–117 (in Russian).
- Bashkina, O. “G.V. Leibniz o razdelenii suvereniteta.” *Russian Sociological Review* 14, no. 3 (2015): 93–105 (in Russian).
- Bushkovich, P. *Petr Velikii. Bor'ba za vlast'*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2008 (in Russian).
- Filippov, M.M. *Gotrid Leibniz. Ego zhizn' i deyatel'nost': nauchnaya, obshchestvennaya, filosofskaya*. Moscow: F.F. Pavlenkov Publ., 1893 (in Russian).
- Fokkerodt, I.G. “Rossiya pri Petre Velikom.” In *Neistovyi reformator*, 33–34. Moscow: Fond Sergeia Dubova Publ., 2000 (in Russian).
- Ger'e, V.I. *Leibniz i ego vek*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2008 (in Russian).
- Ger'e, V.I. *Leibniz i ego vek*. St. Petersburg: Pechatnaya V. Golovina Press, 1868–1871 (in Russian).
- Klepikova, L.V. “Vzaimodeistvie gosudarstvennoi vlasti i uchenykh obshchestv v nauchno-obrazovatel'nykh proektakh G.V. Leibniza.” *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 2 (2012): 53–57 (in Russian).
- Klyuchevskii, V.O. *Kurs russkoi istorii. Sochineniia v devyati tomakh*, vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1989 (in Russian).
- Korb, I.G. *Dnevnik puteshestviia v Moskoviyu (1698 i 1699 gg.)*. St. Petersburg: A.S. Suvorin Press, 1906 (in Russian).
- Kornetov, G.B. “Proekty G.V. Leibniza po rasprostraneniyu v Rossii obrazovaniia.” *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, no. 4 (2016): 99–131 (in Russian).
- Pavlenko, N.I. *Pyotr Velikii*. Moscow: Mysl' Publ., 1990 (in Russian).
- Platonov S.F. *Lektsii po russkoi istorii*. St. Petersburg: S.V. Dorofeev Publ., 2011 (in Russian).
- Shtelin, Ya.Ya. *Lyubopytniia i dostopamyatniia skazaniia o imperatore Petre Velikom: Izobrazhayushchiia istinnoe svoistvo sego premudrago gosudaria i otssa otechestva, Sobramniia v techenie soroka let deystvitel'nyim statskim sovetnikom Yakovom Shtelinom* (St. Petersburg: Tip. B.L. Geka, 1786 (in Russian).
- Speranskii, M.M. *Proekty i zamysly*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1961 (in Russian).
- Veber, F.-H. “Preobrazhennaia Rossiia. Zapiski Vebera.” *Russkii arkhiv*, no. 6 (1872), http://history.scps.ru/lib/rus_archive_1872-06.htm (in Russian).
- Volkov, A.A., and Minnibaev, B.I. “Sotsial'nye preobrazovaniia Petra I.” *Voprosy istoricheskoi nauki: materialy II Mezhdunarodnoi nauchoi konferentsii (g. Chelyabinsk, mai 2013 g.)*, 41–43. Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa Publ., 2013 (in Russian).
- Volter. “Anekdoty o care Petre Velikom.” *Istoriograficheskii sbornik*, no. 19 (2001): 184–199 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Татьяна Васильевна Черникова, д-р истор. наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; tchernikova1961@mail.ru

Tatiana V. Chernikova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University); 76, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119454, Russia; tchernikova1961@mail.ru